

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**РЕМЕСЛЕННЫЙ ТРУД КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В САРАТОВСКОМ ГАЛКИНСКОМ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОМ
ПРИЮТЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В 70-е ГОДЫ XIX в. (ПО ОТЧЕТУ 1875–76 гг.)**

Аннотация: статья посвящена применению ремесленного труда как средства исправления несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в Саратовском Галкинском учебно-исправительном приюте в 1870-е годы. Сообщаются данные о видах ремесел, методах исправления несовершеннолетних правонарушителей, доходах и расходах на производство товаров, реализации произведенной продукции, об устройстве различных мастерских и о деятельности ремесленных мастеров.

Ключевые слова: Российская империя, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, М.Н. Галкин-Враской, воспитательно-исправительные заведения Российской империи, ремесло, мастерские.

20 сентября 1873 г. в Саратове был открыт учебно-исправительный приют для детей обоего пола, на средства, частью пожертвованные, частью собранные тогдашним саратовским губернатором, «а ныне членом государственного совета, М.Н. Галкиным-Враским. С 12 ноября 1891 г., приют стал называться «галкинским» в честь своего основателя» [1, с. 225; 3, с. 312].

М.Н. Галкин-Враской – основатель и в течение ряда лет, с 1879 по 1896 гг., руководитель Главного Тюремного управления Российской империи. До назначения на эту должность, с 1871 по 1878 гг. Галкин-Враской был саратовским губернатором.

Большое внимание в приюте уделялось ремесленному труду как средству исправления несовершеннолетних правонарушителей. «Ремесленные занятия воспитанников для того, чтобы они могли приносить действительную пользу, прежде всего должны иметь характер серьезный; для того, чтобы дети занимались ремеслом с достаточным прилежанием и успехом, необходимо, чтобы результаты этих занятий были ощутительно полезны для самих воспитанников; полезность же эта должна выражаться преимущественно тем, чтобы воспитанники могли выучиться более или менее основательно тому или другому ремеслу...» [2, с. 34].

Но вследствие краткости пребывания несовершеннолетних правонарушителей в приюте «ведение ремесел представляло прямо неодолимые трудности: не только в 3 – 6 месяцев, но даже и в год нельзя основательно выучить мальчика никакому ремеслу; для этого необходимо иметь по меньшей мере два года, тем более, что дети, поступающие в приют и за ремесло, как и за всякое другое дело, постоянно принимаются далеко не с охотой, особенно в первое время. Но, кроме этого, для достижения каких-либо успехов в деле обучения детей ремеслам, необходимо иметь правильно устроенные мастерские, необходимо иметь знающих мастеров, необходимо иметь постоянно работу, как материал для обучения» [2, с. 34].

Следующим вопросом был: «какую же работу могли бы производить мастерские приюта, когда они могли состоять постоянно из начинающих учеников? Мастер, заведывающий мастерской, должен заниматься преимущественно обучением воспитанников, и работать ему самому остается времени чрезвычайно мало. Наконец, и самый труд мастера по обучению детей ремеслу становится весьма тягостным, потому что с воспитанниками приюта, особенно с новичками, ладить чрезвычайно трудно; ведь это по большей части дети, отбившиеся от рук во всех мастерских; затем мастер не может не сознавать, что все труды его по обучению воспитанников должны по большей части пропасть даром, так как в течении нескольких месяцев мальчик может научиться весьма немногому; и это немногое, по выходе из приюта воспитанника, может у него оставаться только в таком случае, если он будет заниматься тем же ремеслом» [2, с. 34–35].

Совершенно другое дело, «когда воспитанники оставались в приюте такое время, которое было бы достаточно для обучения каждого из них тому или другому ремеслу; тогда мастерские могли бы иметь учеников на всех степенях их ремесленного обучения; тогда дети, сознавая, что они имеют достаточно времени, чтобы выучиться ремеслу, имели бы более охоты учиться; с другой стороны, и мастер при этом сознании мог бы вести дело обучения с большей энергией. Тогда можно было бы производить в мастерских всякого рода работы, иметь заказы и исполнять их – и доходы их могли не только покрыть все расходы по содержанию мастерских и мастеров, но и быть достаточными, чтобы оказывать материальную помощь выходящим воспитанникам; наконец эти доходы от мастерских могли бы увеличивать собою и общую сумму поступлений на содержание самого приюта» [2, с. 35].

Действительное же положение приюта, созданное краткостью пребывания в нем большинства воспитанников, как видно из вышеизложенного, далеко не таково.

Из числа воспитанников занимались: «сапожным мастерством – 18 человек, переплетным мастерством – 3 человека, токарным – 2 человека. Трое воспитанников, по малолетству не обучались никаким ремеслам; остальные 18, как поступившие на слишком короткие сроки и при том в летнее время, занимались полевыми, садовыми и огородными работами» [2, с. 36].

Сапожная мастерская имела большее количество учеников «во-первых потому, что постоянно поступало в приют большее против всех число детей, занимавшихся сапожным мастерством и до поступления в приют; затем мастерство это могло быть наиболее полезно для каждого из воспитанников, по выходе его из приюта; наконец, в первое время по этому мастерству возможно было, обойтись без особого мастера, так как удалось найти дядьку, который знал это мастерство – и, сверх прямых своих обязанностей, вел мастерскую и обучал детей мастерству» [2, с. 36].

Сапожная мастерская, несмотря на указанные выше неблагоприятные условия ее существования, тем не менее в течение 1875–76 гг. успела продвинуться вперед: «она не только вполне удовлетворяла собственную потребность приюта

в обуви, но была в состоянии принимать и посторонние заказы, «почем и явилась возможность и прямая надобность пригласить особого мастера сапожника, так как можно рассчитывать, что содержание его покроется заработками сапожника, так как можно рассчитывать, что содержание его покроется заработками сапожной мастерской, а дело обучения детей мастерству пойдет успешнее» [2, с. 36].

Такой мастер был приглашен с мая 1876 г. С поступлением его «действительно сапожная мастерская улучшилась: дело обучения детей ремеслу пошло успешнее, и явилась возможность принимать заказы» [2, с. 36].

Переплетное и токарное ремесло, «как не имевшие особых мастеров и заведывавшихся смотрителем приюта, который, в виду множества своих обязанностей, не мог уделять достаточно времени ни на ведение мастерской, ни на обучение мастерам детей, достигли меньше развития» [2, с. 37].

Тем не менее переплетная мастерская в 1875 – 76 гг. принимала «уже посторонние заказы, и, израсходовавши на материалы 64 рубля 38 копеек, выручила за переплет книг 80 рублей 2 копейки, и, кроме того, имеет в долгу за разными лицами до 10 рублей. Из этого излишка доходов над расходами также было выдано пособие двум вышедшим воспитанникам, обучавшимся переплетному мастерству» [2, с. 37].

Эти цифры всего лучше само собой показывали «успехи детей в мастерствах сапожном и переплетном; за токарные же работы хотя и ничего не было выручено, так как посторонних заказов не принималось, но 2 воспитанника, обучавшиеся токарному мастерству, успели настолько, что приобретенное ими умение могло служить им по выходе из приюта, средством для заработков, в особенности для одного из них, который до поступления в приют занимался слесарным делом, где знание токарного мастерства весьма пригодно, и который, по выходе из приюта, намерен поступить в слесарную же мастерскую» [2, с. 37].

Воспитанницы женского отделения приюта в 1875–76 гг. занимались, под руководством их воспитательницы, «преимущественно рукоделием и домашним хозяйством. В летнее время они работали только на огороде для нежных овощей и

зелени; большая часть работы на нем была сделана их руками. Успешность их занятием рукоделием выражается тем, что они в течение отчетного года постоянно обшивали весь приют: белье и платье для себя, белье и верхнее летнее платье для воспитанников, наконец, чулки, носки, варги – все было сделано их руками. На них же лежала обязанность чинить на весь приют белье и верхнее платье» [2, с. 37].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, без сомнения, методы исправления ремесленным трудом были действенны для несовершеннолетних правонарушителей; во-вторых, администрация Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта прилагала все усилия, при тех небольших материальных средствах, для устройства ремесленных мастерских и найма мастеров для обучения воспитанников различным ремеслам.

Список литературы

1. Диомидов И.М. Саратовский галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
2. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1875–76 год. Год 3-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1877.
3. Тальберг Д.Г. Исправительные колонии и приюты в России / Д.Г. Тальберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. – Январь.